УДК 39:281.93

DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-513-521

Староверы-странники Удоры и Печоры: локальные варианты конфессиональной традиции (конец XIX – XX вв.)

В. В. Власова

Институт языка, литературы и истории Коми научный центр УрО РАН, г. Сыктывкар, Российская Федерация, vv505@hotmail.com

АННОТАЦИЯ

Введение. Проблема локального варьирования культур является одной из значимых для фольклорно-этнографических исследований. В этом контексте ведётся изучение конфессиональных культур и их вариантов, в том числе и старообрядческих сообществ, существующих в разных регионах Российской Федерации. С конца 1980-х гг. осуществляются исследования роли староверия в этнокультурном самоопределении локальных групп финно-угорских народов. Статья посвящена истории учения истинно-православных христиан, странствующих (странников, бегунов) в районах проживания коми-зырян (на верхней и средней Печоре и Удоре).

Цель: определить факторы, способствовавшие распространению страннического вероучения среди печорских и удорских коми, а также его судьбу в XX в. Охарактеризовать особенности существовавших религиозных практик удорских и печорских странников.

Материалы исследования: архивные и опубликованные документы духовных ведомств; отчёты советского периода, подготовленные представителями местных партийных и правоохранительных органов; научные отчёты этнографических экспедиций 1960-х гг. Использованы полевые материалы автора.

Результаты и научная новизна. В статье впервые проводится сравнение локальных вариантов печорской и удорской традиции коми староверов-странников. Анализ различных источников позволяет сделать выводы об определяющем значении культурной среды, а также социальных изменений начала XX в. в распространении странничества среди коми-зырян Удоры и Печоры. Присоединение к странникам части лидеров печорских поморских общин способствовало широкому распространению их вероучения на средней и верхней Печоре, тогда как старообрядческие наставники Удоры выступили против странников и их идеалы утвердились лишь в кругу ряда семей. Различие в численности последователей вероучения, а также особенности локальных религиозных практик, во многом определили судьбу удорских и печорских страннических общин в XX в.

Ключевые слова: староверы-странники, коми-зыряне, локальная традиция, религиозные практики Для цитирования: Власова В. В. Староверы-странники Удоры и Печоры: локальные варианты конфессиональной традиции (конец XIX – XX вв.) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 3. С. 513–521.

Old believers-wanderers of Udora and Pechora: local variants of the confessional tradition (end of the XIX – XX centuries)

V. V. Vlasova

Institute of language, literature and history, Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, vv505@hotmail.com

ABSTRACT

Introduction: problem of local variation of cultures is an important part of significant for folklore and ethnographic studies. In this context, the study of confessional cultures and their variants, including old believer communities existing in different regions of the Russian Federation, is being conducted. Since the late 1980s, studies have been carried out on the role of the old belief in the ethno-cultural self-determination of local groups of Finno-Ugric peoples. The article is devoted to the history of the teaching of true orthodox christians wandering (wanderers, runners) in the areas of residence of Komi-Zyryans (on the Upper and Middle Pechora and Udora).

Objective: to determine the factors that contributed the spread of the wanderers' doctrine among the Pechora and Udora Komi-Zyryans, as well as its fate in the XX century; to characterize the features of the existing religious practices of the Udora and Pechora wanderers.

Research materials: archival and published documents of ecclesiastical departments; reports of the Soviet period prepared by representatives of local party and law enforcement agencies; scientific reports of ethnographic expeditions of the 1960s. The author's field materials were used.

Results and novelty of the research: in the article for the first time the author compares local variants of Pechora and Udora tradition of the Komi old believers-wanderers. An analysis of various sources allows us to draw conclusions about the defining significance of the cultural environment, as well as social changes of the beginning of the XX century in the spread of the wanderers' teaching among the Komi-Zyryans of Udora and Pechora. The accession of the part of Pechora Pomor communities leaders to wanderers contributed to the widespread dissemination of their doctrine on the Middle and Upper Pechora, while the old believers' mentors of Udora opposed the wanderers, and their ideals were established only in the circle of a number of families. The difference in the number of followers, as well as the peculiarities of local religious practices, largely determined the fate of the Udora and Pechora pilgrim communities in the XX century.

Key words: old believers-wanderers, Komi-Zyrhjan, local tradition, religious practices.

For citation: Vlasova V. V. Old believers-wanderers of Udora and Pechora: local variants of the confessional tradition (end of the XIX – XX centuries) // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (3): 513–521.

Введение

Локальное варьирование культур является одной из значимых проблем фольклорно-этнографических исследований: изучаются место и функции локальных групп в пределах больших культурных ареалов; анализируются механизмы возникновения и особенности функционирования локальных традиций, проявления локальной специфики в различных культурных формах [9, 4]. Конфессиональная специфика стала одной из важных характеристик, а порой основанием выделения локальных групп / традиций. Проблемы возникновения и сложения вариантов конфессиональных культур, методики их изучения и описания остаются актуальными на протяжении многих лет [10; 18]. В рамках этого теоретического подхода с конца 1980-х гг. ведутся систематические исследования роли староверия в этнокультурном самоопределении локальных групп финно-угорских народов (карел, коми-зырян, коми-пермяков, мордвы) [18; 20; 22; 24].

Странническое согласие представляет наиболее радикальное направление в староверии, специфику которого определяет проповедь необходимости побега из «мира антихриста» (под которым подразумевается российское государство и общество). В XIX в. структурно выделяются две страты: собственно странники, отказавшиеся от любых контактов с миром (мироотреченцы), и странноприимцы, не прерывавшие связи с миром [8; 23, 70]. Возникновение учения истинно-православных христиан странствующих (ИПХС), идеология первых общин и её эволюция получили освещение в трудах А. И. Мальцева и Е. Е. Дутчак [8; 5]. История, особенности вероучения и религиозных практик страннических общин, существовавших в различных регионах России, их рукописное наследие стали предметом исследований историков, археографов, фольклористов и этнографов [7; 13; 14; 15; 19].

История старообрядческих согласий в Коми АССР, в том числе и ИПХС, представлена в работах Ю. В. Гагарина [3; 4]. История удорских странников, их рукописно-книжное и литературное наследие освещены в монографии Е. В. Прокуратовой [13]. В контексте формирования этноконфессиональных групп коми-зырян анализировалась история ИПХС на Удоре и Печоре [1, 38–39].

В статье проводится сравнение двух локальных вариантов традиции староверов-странников: печорской и удорской. Определяются факторы, способствовавшие распространению этого вероучения среди печорских и удорских коми-зырян. На основе архивных и этнографических материалов характеризуются особенности ключевых религиозных практик удорских и печорских странников («бегство от мира», крещение).

Материалы и методы

Основой исследования стали архивные и полевые материалы. Архивные материалы содержат краткие сведения об организации религиозной жизни, численности страннических общин и их лидерах. Первая группа источников: делопроизводственные материалы дореволюционного периода (рапорты и отчёты священников, благочинных и полицейских). Вторая: документы советского периода (информационные отчёты советских, партийных и правоохранительных органов). Третья: отчёты этнографических экспедиций известного историка и религиоведа Ю. В. Гагарина, в которых описана организация религиозной жизни печорских страннических общин в 1960-е гг. 1

Полевые материалы, собранные автором в ходе этнографических экспедиций в Удорском

514

 $^{^1}$ Научный архив Коми научного центра (НА КНЦ) Ф. 1. Оп. 13. Д. 159, 167.

(Чупровский, Пучкомский и Важгортский с/с) и Троицко-Печорском (пгт. Троицко-Печорск, Покчинский с/с) районах в начале 2000-х гг. дополняют архивные данные, позволяя более полно охарактеризовать религиозные практики странников второй половины — конца XX в.² В ходе экспедиций использовались полевые этнографические методы сбора эмпирического материала: наблюдение и интервью. Поставленная цель работы предполагает использование историко-сравнительного метода для выявления общих черт, характерных для этих групп, и локальной специфики.

Результаты

Со второй половины XVIII в. на Удоре (Важгортский и Чупровский приходы Яренского уезда), верхней и средней Печоре (Усть-Илыческий, Печорский, Покчинский, Подчерский, Щугорский, Савиноборский приходы Усть-Сысольского уезда) получили распространение беспоповские старообрядческие согласия (поморское, филипповское). Центральное место в вопросах догматики, социального устройства и обряда этих согласий занимала эсхатология. Представления о последних временах, приметы «конца света», наблюдаемые в обществе и церкви, убеждённость, что спасение можно обрести лишь в общине единоверцев, максимально ограничив контакты за её пределами, оказывали значительное влияние на социально-обрядовую и повседневную жизнь удорских и печорских коми. В конце XIX – начале XX вв. староверы составляли более половины населения приходов на Печоре и более трети – удорских. [1, 159 – 160]. Распространение идей странников о необходимости «бегства от мира» на Удоре и Печоре стало возможным благодаря культурной среде, сформировавшейся под влиянием староверия. В настоящее время установлено, что в изучаемых районах получило распространение учение странников – статейников³ [3, 45; 13, 39].

Староверы-странники на Удоре

Первые свидетельства о появление странников на Удоре относятся к концу 1870-х гг. В 1878 / 1879 гг. в каргопольские скиты ушли коми крестьяне из деревень Коптюга (М. П. Кочев), Пучкома (В. П. Палев) и Верхозерье (И. Ивкучев)4. В начале 1880-х гг. М. Кочев вернулся на родину, чтобы под руководством каргопольских старцев «заниматься распространением учения». В 1885 г., под влиянием их проповедей, «ушли в странство»: Ф. Ильин из дер. Муфтюги, М. Екимова из дер. Верхозерье, староверы И. Багаев и М. Екимова из с. Чупрово. Известно, что странники встречались с удорским наставником М. П. Бозовым и его племянником «для толкования старообрядческих правил и для соединения в одну секту». Однако договориться им не удалось: наставники пришли к выводу, что учение странников (в частности неприятие государственной власти) противоречит учению поморцев⁵. После проведения полицейского расследования часть странников покинула удорские деревни, а другие - продолжили жить тайно⁶.

Возобновление активной миссионерской деятельности ИПХС связано с именем крестьянина дер. Муфтюги П.Ф. Ильина (Прохора Ильина), который в 1908 г. вернулся в родную деревню после нескольких лет проведённых в страннических скитах. Под его руководством в домах крестьян проводились службы, после которых П. Ильин выступал с проповедями: говорил о скором наступлении последних времён, невозможности спастись в мире, где царствует антихрист (русский царь), указывал на единственный способ спасения - принять веру странников и скрыться от властей. Под влиянием его проповедей в июле 1909 г. 13 молодых людей из удорских деревень покинули свои семьи и отправились в каргопольские скиты⁷. П. Ильина активно поддерживали его родственники: в Муфтюге – братья, в Чупрово и Выльгорте - замужние сестры (Мариамна Козырева, Авдотья Иванова). В то же время представители светских властей отмечали, что в сёлах, где были авторитетные наставники-поморцы проповеди странников не имели успеха⁸.

Согласно «народной молве», число ИПХС в 1912 г. Важгортской волости достигло 400 человек;

 $^{^{2}}$ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 569, 739.

³ Странники статейники – согласие, с жёсткой иерархической структурой, сформированной по образцу православной церкви. Община состояла из отдельных «пределов», каждый из которых находился под управлением «старейших».

⁴ Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф.496. Оп. 1. Д. 15801. Л. 74.

⁵ ГАВО. Ф.496. Оп. 1. Д. 15801. Л. 70.

⁶ Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф.Р. 7. Оп. 1. Д. 304. Л. 35.

⁷ НАРК. Ф.Р. 7. Оп. 1. Д. 304. Л. 35–35об, 36.

⁸ НАРК. Ф.Р. 7. Оп. 1. Д. 304. Л. 39об.

по сведениям полицейских в 1914 г. их число доходило до 70°. Последняя цифра ближе к истине: удорские странники входили в состав Каргопольского предела и не могли обособиться, поскольку не располагали необходимым числом единоверцев (не менее 100 человек) [13, 54]. В рапорте полицейского урядника за 1914 г. названы фамилии руководителей удорских странников, все они были из числа местных крестьян (С. В. Екимов, А. А. Екимов)¹⁰.

В 1920-1930-е годы центрами странничества являлись с. Чупрово и дер. Верхозерье, кельи существовали и в крестьянских домах в дер. Выльгорт, Коптюга, Малая Пучкома. В с. Чупрово существовало три «кельи», которые представляли собой дома (иногда двухэтажные), построенные специально для странников. В этих домах были оборудованы молитвенные помещения, куда на службы приходили местные жители; в отдельных комнатах жили мироотреченцы. Как отмечали информанты, своего хозяйства странники не вели, их содержали состоятельные крестьяне, посильную помощь оказывали деревенские жители11. В то же время в кельях на заказ ткали, вязали, вышивали бисером, переписывали книги и писали иконы [21, 152]. Странники продолжали проповедовать «бегство от мира», как единственно возможный путь спасения. В условиях раскулачивания и насильственной коллективизации их проповеди о безбожной власти и её скором конце, призывы не записываться в колхозы, дабы не совершать греха, находили отклик среди местных крестьян, однако лишь единицы следовали призывам «покинуть мир»¹². Следует отметить, что в это время сама практика «побега» претерпела серьёзные изменения. В начале 1900-х гг. удорские крестьяне, принявшие или планирующие принять странническое крещение, покидали родные деревни и отправлялись в скиты Олонецкой губернии, поскольку согласно уставу, они могли проживать в собственных домах и домах родственников лишь в виде исключения [13, 56]. В 1930-е гг., согласно рассказам информантов, удорские странники проживали в домах родственников или состоятельных односельчан.

Можно предположить, что до середины 1930х гг. информация об ИПХС в Удорском районе, до областных властей не доходила¹³. В 1936 г. сотрудники НКВД провели операцию по «ликвидации контрреволюционной группы»: было арестовано 11 человек (восемь странников и трое странноприимцев)14. Арест не только верующих, но и тех, кто активно оказывал им поддержку, произвёл сильное впечатление на местных жителей. Рассказы, зафиксированные в начале 2000-х гг., сохранившие многие детали (число арестованных, арест во время пасхальной службы), свидетельствуют о значимости этого события для местного сообщества и локальной исторической памяти¹⁵. Ликвидация состоятельных крестьянских хозяйств, игравших важную роль в материальном обеспечении мироотреченцев; репрессии в отношении наиболее активных верующих привели во второй половине 1930-х гг. к исчезновению страннических общин на Удоре.

Несмотря на исчезновение общин, приверженцы этого вероучения проживали в с. Чупрово, деревнях Муфтюга и Верхозерье до второй половины XX в., поддерживая контакты с каргопольскими и вологодскими странниками [13, 372–376]. В это время верующие «скрывались» в домах близких родственников, лишь единицы «странствовали» по ближайшим деревням. Например, странница Репсимья (в миру П. К. Коровина) жила в домах своих родственников в Чупрово, Выльгорте и Муфтюге, не имея своего дома. Число удорских странников уменьшалось, поскольку странническое крещение принимали лишь в случае тяжёлой болезни и перед смертью¹⁶. В 1950–1960-х гг. существовали сложности при присоединении обмирщившихся удорских странниц к «истинной» церкви, поскольку не было единоверцев, которые могли бы провести обряд [13, 375]. В докладной записке Уполномоченного Совета по делам РПЦ за 1964 г. упомянуто о трёх странниках - «перекрещенцах»¹⁷. К середине 1970-х представителей этого старообрядческого согласия на Удоре не осталось.

⁹ НАРК. Ф.Р. 7. Оп. 1. Д. 304. Л. 79об, 70.

¹¹ НАРК. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 304. Л. 98.

¹¹ НА КНЦ. Ф.5. Оп. 2. Д. 569. Л. 10, 12 и др.

¹² НАРК. Ф.П-1. Оп. 3. Д. 236. Л. 91–93.

¹³ Сведения о печорских странниках появляются в отчётах ОГПУ с середины 1920-х гг.

¹⁴ НАРК. Ф.П-1. Оп. 3. Д. 236. Л. 7.

 $^{^{15}}$ НА КНЦ. Ф.5. Оп. 2.Д. 569. Л. 3–4.

¹6 НА КНЦ. Ф.5. Оп. 2.Д. 569. Л. 11, 15, 16.

¹⁷ НАРК. Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 110. Л. 17.

Староверы-странники на Печоре

В конце XIX в. на верхней и средней Печоре получает распространение «пустынничество»: верующие, «особенно ревностные о своём спасении», переселялись в леса («в пустынь»). Епархиальные миссионеры отмечали, что пустынники, являющиеся самыми строгими хранителями старины, играют важную роль в сохранении староверия среди печорских зырян [6, 396–398].

По мнению И. С. Пушвинцева, ИПХС появляются на верхней Печоре в первое десятилетие XX в., а после 1917 г. их проповеди активизируются, в результате чего «весь край покрылся сетью «келий» [16, 19–20]. Чердынским странникам удалось привлечь на свою сторону многих пустынников, что способствовало успеху их проповедей среди местного населения [11, 74]. В отчёте НКВД за 1925 г. впервые упоминается о проповеднике странников из числа зырян. «Главным руководителем скрытников является зырянин, старик 67 лет, окончивший начальную школу. Этот человек прежде занимался крестьянством и имел своё хозяйство. Когда в верховьях Печоры и её притоков появились иноки, проповедовавшие истинно-православную веру (Пинаев Еварест), то он тогда поступает в попы и называет себя «раб божий» и начинает проповедовать среди населения по настоящее время» 18. В информационном сообщении секретаря ячейки ВКП (б) от 7 июня 1927 г. сообщалось, что число странников достигло почти 45% населения Троицко-Печорской волости, а страннические проповедники открыто устраивали диспуты о вере в сёлах Троицко-Печорск и Усть-Илыч¹⁹.

В это время на Печоре кельи странников располагались в специально выстроенных домах на окраинах сел, в домах странноприимцев, а также в лесах, вдали от населённых пунктов. Число лесных келий и скитов значительно увеличилось с началом коллективизации²⁰. Жизнь в скитах была подчинена строгому распорядку: ежедневно проходили суточные и праздничные богослужения, заупокойные молебны, в свободное время странники работали на огороде, занимались рукоделием, ухаживали за престарелыми единоверцами, проживавшими в скитах²¹.

В 1920–1930-е гг. на Печоре «бегство от мира» стало формой социального протеста, что не могло не вызвать ответной реакции властей. В 1930 г. начинается ликвидация скитов на Печоре. Значительную роль в этом процессе сыграли демобилизованные комсомольцы из вычегодских районов, а также красноармейцы и коммунары из Архангельской области. В ходе операции отрядами комсомольцев было обнаружено порядка 300 человек по притокам р. Печоры (Щугору, Подчерему, Илычу), из которых около 150 были местными жителями. Большую часть скитников переселили на прежние места жительства, часть – арестовали, некоторые скиты так и не были обнаружены. В последующие годы власти повторяли подобные операции, в ходе которых разорялись скиты, а их насельники выдворялись на прежнее место жительства²². К середине 1930-х гг. существовавшая на верхней и средней Печоре сеть страннических скитов была уничтожена, но сами общины по-прежнему существовали.

Во второй половине 1960-х гг., по подсчётам Ю. В. Гагарина, число странников на средней и верхней Печоре составляло 200 — 210 человек, из которых 30 — 35 были «мироотреченцами». Здесь независимо друг от друга существовали коми и русская общины ИПХС [3, 116]. Группы печорских странников разделялись по этническому признаку, сохраняя представления о конфессиональной общности. Об этом, свидетельствует таловский Синодик, в котором среди умерших отдельным списком перечисляются «имена усопших зырянъ» и «усопшие чердынс. брате» [17, 89].

Изменился возрастной состав «мироотреченцев»: крещение совершалось лишь в случае тяжёлой болезни или глубокой старости. Однако среди тех, кто поддерживал учение ИПХС, было немало людей до 30 лет, что объяснялось значительным влиянием старшего поколения на молодёжь, проживавшую в сёлах и деревнях [3, 115–118]. Общины странников существовали в деревнях Скаляп и Возино, руководили ими Г. Бажуков, П. И. Мезенцев и Е. В. Мезенцева²³. В страннических кельях регулярно устраивались моления. «В Скаляпе молитвенный дом был, там

¹⁸ НАРК. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 431. Л. 16.

¹⁹ НАРК. П-182. Оп. 1. Д. 132. Л. 8–8 об.

 $^{^{20}}$ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. Л. 16. ^{21} НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. Л. 17–18.

²² НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. Л. 17–18.

²³ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. Л. 39.

старухи собирались, молились. Там были образа, книги, все в сарафанах. Книги читал старик Василий, старуха Елизавета она хорошо читала»²⁴.

Главой печорских странников в 1950–60-х гг. был уроженец дер. Скаляп Пётр Иванович Мезенцев – отец Василий, как называли его местные жители. Религиозное образование он получил в первой половине XX в. в печорских страннических скитах²⁵. Наши информанты говорили о нём как о человеке глубоко верующем, который не отступил от веры, несмотря на преследования. «Василий старик у нас был, он сам местный, из Скаляпа, здесь родился. Его милиция задерживала, в Сыктывкар отвозили, за то, что молится, за то, что верует. Молился он в избушке на Кодаче. Старик Василий из святой книги читал, потом по коми объяснял, что непонятно»²⁶. В 1979 г. общину печорских странников возглавлял Фёдор Мезенцев²⁷. В 1982 г. в Скаляпе проживало 10 странников, принявших истинное крещение, возглавлял общину Φ . А. Шахтаров²⁸. В отчётах уполномоченных по делам религии регулярно отмечалось, что истинно-православные христиане, проживающие в Троицко-Печорском районе, - это люди преклонного возраста, в основном женщины.

В начале 2000-х гг. староверы-странники проживали в с. Покча, Усть-Илыч и дер. Скаляп. С середины 1950-х гг. дер. Скаляп была центром ИПХС на Печоре: сюда приезжали жители печорских сел, желающие принять странническое крещение, здесь же находились кельи мироотреченцев. В 2007 г. в келье проживали несколько странниц родом из с. Усть-Илыч; глава страннической общины проживала в с. Покча. В начале 2000-х гг. истинно-православные принимали крещение в пожилом возрасте, отказываясь от любых контактов с внешним миром (документов, социальной помощи). В ходе бесед некоторые жители печорских деревень среднего и старшего возраста, говорили о том, что планируют в старости принять странническое крещение, как и их родители²⁹.

Обсуждение и заключение

Фактором, определявшим религиозную специфику изучаемых групп удорских и печорских

коми являлось староверие, благодаря которому сформировалась культурная среда, способствовавшая успешному распространению страннического вероучения. Значимую роль сыграло и наличие в непосредственной близости крупных центров страннического согласия (Каргополь, Чердынь). Епархиальные миссионеры отмечали, что в учении ИПХС верующие нашли «удовлетворение своим аскетическим стремлениям» [12, 15]. В начале XX в. стремление к большей автономии в религиозных вопросах, рост монашества были характерны как для русских [25, 211], так и для нерусских народов, исповедовавших православие [26, 240]. Появление странников на Удоре, «пустынничества», а позднее и ИПХС на Печоре представляют собой частные варианты, отражающие тенденции характерные для российского православия начала XX в.

В начале XX в. происходит формирование печорского и удорского вариантов страннической традиции. И на Удоре, и на Печоре миссионерская деятельность странников велась при активном участии проповедников из числа коми крестьян, что являлось необходимым условием распространения вероучения, поскольку того требовала языковая среда [2, 347]. Беседы (чтение Писания и его разъяснение на коми языке) оставались значимым явлением религиозной жизни печорских странников вплоть до 1970-х гг., о чём свидетельствуют наши полевые материалы.

На Удоре авторитетные наставники поморских общин выступили против проповедей странников, тогда как на Печоре последним удалось привлечь на свою сторону лидеров, значимых для местного старообрядческого сообщества (пустынников). Этот фактор, а также политические и социально-экономические трансформации 1920-х гг., способствовали широкому распространению страннического вероучения среди печорских коми. Численность же удорских странников оставалась незначительной, здесь сложился круг семей, из числа представителей которых формировалась местная странническая община. Репрессивная политика, проводимая советскими властями, оказала значительное влияние на печорские и удорские страннические общины: в

²⁴ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 739. Л. 22.

²⁵ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 159. Л. 37.

²⁶ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 739. Л. 6. ²⁷ НАРК. Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 119. Л. 59.

 $^{^{28}}$ НАРК. Ф. Р-1451. Оп. 1.Д. 120. Л. 69. ²⁹ НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 739. Л. 12, 13, 17.

первом случае значительно их ослабив, а во втором — привела к их исчезновению и постепенному угасанию конфессиональной традиции. Немаловажную роль в этом сыграли и такие факторы как изменение возрастного состава верующих и локальных религиозных практик. На Удоре изме-

нение принципиально значимой для странников практики «побега от мира» отчасти нивелировало различия между ними и староверами, тогда как на верхней Печоре она сохранялась в неизменном виде вплоть до начала 2000-х гг., играя значимую роль в сохранении религиозной традиции.

Список источников и литературы

- 1. Власова В. В. Старообрядческие группы коми: особенности социальной и обрядовой жизни. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2010. 172 с.
- 2. Власова В. В. Родной язык и религиозные практики в приходах Коми края в начале XX века // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 341–351.
- 3. Гагарин Ю. В. Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление (по материалам конкретно-социологических исследований). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. 255 с.
  - 4. Гагарин Ю. В. Старообрядцы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. 144 с.
- 5. Дутчак Е. Е. Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX–XX вв.): дис ... канд. ист. наук. Томск, 1994. 276 с.
- 6. Из дневника Вологодского епархиального миссионера за 1903 год (продолжение) // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1904. № 15. С. 391–398.
- 7. Комарова В. А. Рассказы о староверах и скрытниках // Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / под ред. А. Б. Мороза. М.: ОГИ, 2009. С. 293–395.
- 8. Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII— первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. URL: http://krotov.info/history/18/3/malzev_01.htm (дата обращения: 12.04.2021)
- 9. Морозов И. А. Локальные традиции и культуры: современные исследования // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 3–4.
- 10. Никитина С. Е. Конфессиональные культуры и их территориальные варианты (проблемы синхронного описания). М.: Институт наследия, 2013. 312 с.
- 11. Никитина С. Е. Пути-дороги в жизни и духовных стихах старообрядцев Русского Севера // Кунсткамера. 2019. № 1 (3). С. 68-82. DOI: 10.31250/2618-8619-2019-1(3)-68-82.
- 12. Отчёт о деятельности Великоустюжскаго Православнага Стефано-Прокопиевскаго Братства за 1902 1903 год, седьмой год существования Братства (с 26 апреля 1902 года по 26 апреля 1903) // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. № 6. 1904. С. 1–16.
- 13. Прокуратова Е.В. Старообрядческая культура Коми края XVIII XX веков: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб.: Пушкинский дом, 2010. 528 с.
- 14. Прокуратова Е.В. Рукописные сборники старообрядцев-странников XVIII—XX веков в севернорусских рукописных собраниях: проблема выявления и атрибуции // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе: Труды IV междун. науч. конф. (Мир старообрядчества. Вып. 10.) / сост. Ю. С. Белянкин, Е. В. Воронцова, Н. В. Литвина. М.: Из-во Моск. ун-та, 2019. С. 337–347.
- 15. Пулькин М. Старообрядцы-странники во второй половине XIX начале XX в. (на основе отчётов каргопольских миссионеров) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (3). С. 207–222. DOI: doi. org/10.22394/2073-7203-2020-38-3-207-222.
- 16. Пушвинцев И. С. Пустынничество // Чердынский край. Издание общества изучения Чердынского края и музея. 1928. Вып. 3. С. 19–20.
- 17. Сморгунова Е. М. Старец Никита Семенович и догматика бегунства (по рукописям пермской коллекции МГУ) // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения: Материалы научной конференции. Пермь: Пермский университет, 2001. С. 87–108.
- 18. Фишман О. М. Тихвинские карелы старообрядцы: методология и результаты комплексного изучения феномена локальной этноконфессиональной группы: автореф. дис...док. ист. наук. СПб., 2011. 50 с.
- 19. Черных А. В. Народная терминология старообрядческих согласий в русских традициях Прикамья: бегуны (странники) // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 5. С. 97–109.
- 20. Чувьюров А. А. Локальные группы коми Верхней и Средней Печоры: проблемы языковой, историко-культурной и конфессиональной идентификации): автореф. дис...канд. ист. наук. СПб., 2003. 24 с.
  - 21. Шарапов В. Э. Коми старообрядцы живописных дел мастера // Арт (Лад). 2000. № 4. С. 152–159.
- 22. Chagin G. N. Permian Communities of the Beglopopovtsy Old Believers: Past and Present // «Silent as Waters we live». Old Believers in Russia and Abroad Cultural Encounter with the Finno-Ugrians. Helsinki: Finnish literature society, 1999. Pp. 55–61. (Studia Fennica. Folkloristica 6).
- 23. Heretz L. Russia on the Eve of Modernity. Popular Religion and Traditional Culture under the Last Tsars. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 268 p.

- 24. Pentikäinen J., Raudalainen T. Old Belief among the Uralic People // «Silent as waters we live» Old-Believers in Russia and Abroad. Cultural encounter with Finno-Ugrians. Helsinki: Finnish literature society, 1999. Pp. 40–54. (Studia Fennica. Folkloristica 6)
- 25. Wagner W. J. Paradoxes of Piety. The Nizhegorod Convent of the Exaltation of the Cross, 1807–1935 // Orthodox Russia: belief and practice under the tsars / Ed. by Valerie A. Kivelson and Robert H. Greene. Pennsylvania: The Pennsylvania State University, 2003. Pp. 211–238.
- 26. Werth P. W. Orthodoxy as Ascription (and Beyond): Religious Identity on the Edges of the Orthodox Community, 1740 1917 // Orthodox Russia: belief and practice under the tsars / Ed. by Valerie A. Kivelson and Robert H. Greene. Pennsylvania: The Pennsylvania State University, 2003. Pp. 239–251.

References

- 1. Vlasova V. V. Staroobrjadcheskie gruppy komi: konfessional'nye osobennosti social'noj i obrjadovoj zhizni [Groups of Komi old believers: confessional features of social and ritual life]. Syktyvkar: KNC UrO RAN Publ., 2010. 172 p. (In Russian)
- 2. Vlasova V. V. *Rodnoy yazyk i religioznye praktiki v prikhodakh Komi kraya v nachale XX veka* [Native language and religious practices in parishes of the Komi at the beginning of XX century]. *Vestnik ugrovedenia* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (2), pp. 341–351. (In Russian)
- 3. Gagarin Yu. V. *Religioznye perezhitki v Komi ASSR i ikh preodolenie (po materialam konkretno-sotsiologicheskikh issledovanii)* [Religious remnants in the Komi ASSR and the way to overcome them (on materials of sociological surveys)]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1971. 255 p. (In Russian)
  - 4. Gagarin Yu. V. Staroobryadtsy [Old believers]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1973. 144 p. (In Russian)
- 5. Dutchak E. E. *Staroobriadcheskoe soglasie strannikov (vtoraia polovina XIX–XX vv.)* [Old believer religious group of wanderers (second half of the XIX–XX centuries)]. Tomsk, 1994. 276 p. (In Russian)
- 6. *Iz dnevnika Vologodskogo eparkhial'nogo missionera za 1903 god* [From the dairy of the Vologda missionary, 1903]. *Pribavleniya k Vologodskim eparkhial'nym vedomostyam* [Supplements to the Vologda diocesan journal], 1904, no. 15, pp. 391–398. (In Russian)
- 7. Komarova V. A. Rasskazy o staroverakh i skrytnikakh [Stories about old believers and wanderers]. Kargopol'e: Fol'klornyi putevoditel' (predaniia, legendy, rasskazy, pesni i prislov'ia) [Kargopolye: Folklore guide (traditions, legends, stories, songs and sayings)]. Ed. by A. B. Moroz. Moscow: OGI Publ., 2009. pp. 293–395. (In Russian)
- 8. Maltsev A. I. *Starovery-stranniki v XVIII pervoi polovine XIX v.* [Old believers-wanderers in the XVIII first half XIX centuries]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf Publ., 1996. Available at: http://krotov.info/history/18/3/malzev_01.htm (accessed April 12, 2021). (In Russian)
- 9. Morozov I. A. *Lokal'nye traditsii i kul'tury: sovremennye issledovanija* [Local traditions and cultures: modern studies]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2015, no. 2, pp. 5–14. (In Russian)
- 10. Nikitina S. E. *Konfessional'nye kul'tury i ikh territorial'nye varianty (problemy sinkhronnogo opisaniya)* [Confessional cultures and their territorial variants (problems of synchronous description)]. Moscow: Institut naslediya Publ., 2013. 312 p. (In Russian)
- 11. Nikitina S. E. *Puti-dorogi v zhizni i dukhovnykh stikhakh staroobryadtsev Russkogo Severa* [Roads in the life and spiritual verses of old believers of the Russian North]. *Kunstkamera* [Kunstkamera], 2019, no. 1 (3), pp. 68–82. (In Russian)
- 12. Otchet o dejatel'nosti Velikoustjuzhskago Pravoslavnogo Stefano-Prokopievskogo Bratstva za 1902–1903 god, sed'moj god sushhestvovanija Bratstva (s 26 aprelja 1902 goda po 26 aprelja 1903 goda) [Report on the activities of the Veliky Ustyug Orthodox Brotherhood of Stefan and Prokopiy for 1902–1903, the seventh year of the Brotherhood (from April 26, 1902 to April 26, 1903)]. Pribavlenija k Vologodskim eparhial'nym vedomostjam [Supplements to the Vologda diocesan records], 1904, no. 6, pp. 1–16. (In Russian)
- 13. Prokuratova E. V. *Staroobriadcheskaia kul'tura Komi kraia XVIII–XX vekov: knigopisnaia deiatel'nost'i literaturnoe tvorchestvo udorskikh staroverov* [Old believers culture of the Komi area in the XVIII–XX centuries: book writing and literary work of Udora old believers]. Saint-Petersburg: Pushkinskii dom Publ., 2010. 528 p. (In Russian)
- 14. Prokuratova E. V. Rukopisnye sborniki staroobryadtsev-strannikov XVIII–XX vekov v severnorusskikh rukopisnykh sobraniyakh: problema vyyavleniya i atributsii [Handwritten miscellanies of old believers-wanderers of the XVIII–XX centuries in the Russian North manuscript collections: problem of identification and attribution]. Yazyk, kniga i traditsionnaya kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya v nauke, muzeinoi i bibliotechnoi rabote: Trudy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Mir staroobryadchestva. Vyp. 10.) [Language, book and traditional culture of the late Russian Middle Ages in science, museum and library work: Proceedings of the IV International scientific conference (World of old believers. Iss. 10.)]. Comp. by Yu. S. Belyankin, E. V. Vorontsova, N. V. Litvina. Moscow: Iz-vo Moskovskogo un-ta Publ., 2019. pp. 337–347. (In Russian)
- 15. Pulkin M. Staroobriadtsy-stranniki vo vtoroi polovine XIX nachale XX v. (na osnove otchetov kargopol'skikh missionerov) [Old believers-wanderers in the second half of the XIX early XX centuries (based upon reports of Kargopolye missionaries)]. Gosudarstvo, religiia, tserkov'v Rossii i za rubezhom [State, religion, church in Russia and abroad], 2020, no. 38 (3), pp. 207–222. (In Russian)

- 16. Pushvintsev I. S. *Pustynnichestvo* [Hermitry]. *Cherdynskiy kray. Izdanie obshchestva izucheniya Cherdynskogo kraya i muzeya* [Cherdyn region. Issue of the Society for the study of the Cherdyn region and museum], 1928, no. 3, pp. 19–20. (In Russian)
- 17. Smorgunova E. M. Starets Nikita Semenovich i dogmatika begunstva (po rukopisyam permskoy kollektsii MGU) [Elder Nikita Semenovich and the dogmatic of wanderers (based on the manuscripts of the Perm collection of Moscow State University)]. Staroobryadcheskiy mir Volgo-Kam'ya: Problemy kompleksnogo izucheniya: Materialy nauchnoy konferentsii [Old believers' world of the Volga-Kama area: Problems of a comprehensive study: Proceedings of the scientific conference]. Perm: Permskiy universitet Publ., 2001. pp. 87–108. (In Russian)
- 18. Fishman O. M. *Tikhvinskie karely staroobryadtsy: metodologiya i rezul'taty kompleksnogo izucheniya fenomena lokal'noy etnokonfessional'noy gruppy* [Tikhvin Karelian old believers: methodology and results of a comprehensive study of the phenomenon of a local ethno-confessional group]. Saint-Petersburg, 2011. 50 p. (In Russian)
- 19. Chernykh A. V. Narodnaia terminologiia staroobriadcheskikh soglasii v russkikh traditsiiakh Prikam'ia: beguny (stranniki) [Folk terminology of old believer in the Russian traditions of the Kama region: runners (wanderers)]. Traditsionnaia kul'tura [Traditional culture], 2018, no. 19 (5), pp. 97–109. (In Russian)
- 20. Chuvjurov A. A. Lokal'nye gruppy komi Verkhnei i Srednei Pechory: problemy yazykovoi, istoriko-kul'turnoi i konfessional'noi identifikatsii) [Local groups of the Komi of Upper and Middle Pechora: problems of linguistic, historical, cultural and confessional identification)]. Saint-Petersburg, 2003. 24 p. (In Russian)
- 21. Sharapov V. E. *Komi staroobryadtsy zhivopisnykh del mastera* [Komi old believers masters of paintings]. *Art* (*Lad*) [Art (Lad)], 2000, no. 4, pp. 152–159. (In Russian)
- 22. Chagin G. N. *Permian Communities of the Beglopopovtsy Old Believers: Past and Present.* «Silent as Waters we live». Old Believers in Russia and Abroad Cultural Encounter with the Finno-Ugrians. Helsinki: Finnish literature society, 1999. pp. 55–61. (Studia Fennica. Folkloristica 6). (In English)
- 23. Heretz L. *Russia on the Eve of Modernity. Popular Religion and Traditional Culture under the Last Tsars*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 268 p. (In English)
- 24. Pentikäinen J., Raudalainen T. *Old Belief among the Uralic People. «Silent as waters we live» Old-Believers in Russia and Abroad. Cultural encounter with Finno-Ugrians.* Helsinki: Finnish literature society, 1999. pp. 40–54. (Studia Fennica. Folkloristica 6). (In English)
- 25. Wagner W. J. Paradoxes of Piety. The Nizhegorod Convent of the Exaltation of the Cross, 1807–1935. Orthodox Russia: belief and practice under the tsars. Ed. by Valerie A. Kivelson and Robert H. Greene. Pennsylvania: The Pennsylvania State University, 2003. pp. 211–238. (In English)
- 26. Werth P. W. Orthodoxy as Ascription (and Beyond): Religious Identity on the Edges of the Orthodox Community, 1740–1917. Orthodox Russia: belief and practice under the tsars. Ed. by Valerie A. Kivelson and Robert H. Greene. Pennsylvania: The Pennsylvania State University, 2003. pp. 239–251. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Власова Виктория Владимировна, старший научный сотрудник сектора этнографии Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук ФБГУН Федерального исследовательского центра «Коми научный центр УрО РАН» (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26, каб. 501), кандидат исторических наук.

ORCID ID: 0000-0002-4934-4192 vv505@hotmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vlasova Viktoria Vladimirovna, Senior Researcher, Institute of language, literature and history, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya st., 26), Candidate of Historical Sciences.

ORCID ID: 0000-0002-4934-4192 vv505@hotmail.com